

А.В. Тереховская

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Литературно-критическое наследие декабристов демонстрирует новаторские тенденции в идейно-содержательном отношении, в области стиля, в жанровом вопросе. Следует отметить, что интересные изменения произошли в декабристскую эпоху и в построении литературно-критической статьи.

Для критики послекарамзинской поры, в период зарождения романтического направления, была чрезвычайно характерна хаотичность, нарочитая разбросанность мыслей и тем. По наблюдениям Б. Ф. Егорова, «Мощное вторжение субъективного голоса критика способствовало такой деструкции. Наиболее показательны в этом отношении статьи и рецензии молодого В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» 1800-х годов, особенно рецензия на «Путешествие в Малороссию» кн. П. Шаликова (1803)» [2; 56].

В следующем десятилетии построение критической статьи приобретает большую целенаправленность, «векторность», даже в пределах романтического метода. Таковы статьи П. А. Вяземского «О Державине» (1816) и «О жизни и сочинениях Озерова» (1817).

Литераторы-декабристы упрочили последовательное причинно-следственное развитие идей в критической работе. Установка на пропаганду «здравых» мыслей, уверенность в том, что читателя можно логически убедить в своей правоте, способствовали такой структуре. Статья теперь становится до известной степени «цепевидной»: каждое следующее звено мысли закономерно вытекает из предыдущего и обуславливает последующее.

Иное явление представляют собой статьи Кюхельбекера. Никакой логической жесткости в построении литературно-критических выступлений у него нет. Б. Ф. Егоров, отмечая особенности композиции статей критика, писал: «Страстная мысль Кюхельбекера движется так неумолимо последовательно, как будто перед нами ораторская речь или доказательство теоремы» [2; 58]. Суждение исследователя нуждается в определенной корректировке. Нет сомнения, что литературно-критические статьи Кюхельбекера строятся по принципам ораторской речи (об этом же свидетельствует и их стилистика, о чем подробнее будет сказано далее), однако в них нет научной «сухости», необходимой для доказательства теоремы. Напротив, ораторский пафос, обычные для ораторской речи «риторические фигуры» часто встречаются в литературно-критических выступлениях Кюхельбекера.

Для статей Кюхельбекера в высшей степени характерна проповедническая, порою дидактическая направленность. Не случайно его программная статья «О направлении нашей поэзии...» открывается типично ораторским «зачином». Создается впечатление, что перед нами не литературный критик, а трибун,

дерзающий высказать своим слушателям справедливые и вместе с тем суровые укоризны: «Решаясь говорить о направлении нашей поэзии в последнее десятилетие, предвижу, что угожу очень немногим и многих против себя вооружу. И я наравне со многими мог бы восхищаться невероятными успехами нашей словесности. Но льстец всегда презрителен. Как сын Отечества, поставляю себе обязанностью смело высказать истину» [5. – Ч. II.; 29]. Если бы не знать, что это начало критической статьи, можно вполне было бы принять эти слова за начало торжественной речи перед многочисленной аудиторией, жаждущей слышать своего вождя и выполнять его призывы. Отсюда использование архаизмов, призванных придать выступлению (в данном случае – статье) эмоциональный, патетический, высокий характер: льстец всегда презрителен; поставляю себе обязанностью – число подобных примеров можно во много раз увеличить.

Кюхельбекер стремится уже самым началом своих литературно-критических выступлений заинтересовать, увлечь читателя, ненавязчиво повести его за собой. Его статьи еще в большей степени, чем у его единомышленников, сознательно строились по образцам ораторской речи, что дает основание соотнести их с поэтикой оды, которая, по глубокой мысли Ю. Н. Тынянова вполне может восприниматься как ораторский жанр (см. работу Ю. Н. Тынянова «Ода как ораторский жанр»).

Подчеркнутое внимание Кюхельбекера к оде хорошо известно. Критик пропагандировал оду не столько в качестве одного из литературных жанров, но как тенденцию, направление, принцип поэтического повествования. Именно поэтому сопоставление стиля критических статей Кюхельбекера с поэтикой оды вполне обосновано. Обычные «одические» приемы построения текста: «тихий», а чаще «стремительный» приступ (см. процитированное выше начало статьи «О направлении...»), наличие отступлений, дозволенный со времен Буало «лирический беспорядок» [4; 258]) в высшей степени характерны для литературно-критических статей Кюхельбекера.

Классицистический жанр оды предполагал, как известно, и наличие в ней так называемого «лирического восторга». В полном соответствии с этим и критические статьи Кюхельбекера по праву могут быть названы «лирическими» как по манере изложения, так и по их основному пафосу.

В этом отношении показательным является построение статьи Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». За кратким введением о нелицеприятности автора (лишь введение и заключение не будут прямо связаны с логическим ходом мысли) следует оценка современного состояния русской поэзии; критик перечисляет образцовых лириков от Ломоносова до князя Шихматова. Кюхельбекер включает сюда, главным образом, поэтов торжественного, «одического» склада: Петров, Державин, Бобров, Востоков... Но эти поэты, сожалеет автор, «не имеют ныне преемников», так как «элегия и послание вытеснили оду» [5. – Ч. II.; 29].

Далее следует сопоставление этих жанров. Прежде всего вводятся «необходимые три условия всякой поэзии»: сила, свобода, вдохновение. Всем трем критериям отвечает только ода; к тому же в оде «поэт бескорыстен», вещая «не о самом себе, а о высоких предметах».

В элегии же «стихотворец говорит об самом себе», о частных, мелких предметах, содержание элегии ничтожно. То же – в послании. Но поэты, культивирующие эти жанры – Жуковский, подражающий «новейшим» немцам, особенно Шиллеру, и Батюшков, подражающий «пигмеям» Франции, Парни и Мильвуа, «на время стали корифеями наших стихотворцев и особенно той школы, которую ныне выдают нам за романтическую».

Однако романтической после провансальцев и Данте в Европе называют «всякую поэзию свободную, народную». Есть ли такая поэзия у немцев? Исключая некоторые произведения Гете, там господствуют подражания другим литературам. У нас, следовательно, бытует подражание подражанию, а «подражатель не знает вдохновения», в большинстве наших произведений нет силы, нет богатства и разнообразия, нет чувств, кроме чувства уныния, всюду «тоска» и «туман». Из «богатого и мощного» русского слова силятся создать жаргон «для немногих», славянские обороты речи заменяются варваризмами. «Печатью народности» ознаменовано очень мало стихотворений.

Истинно же романтическая поэзия свободой и «новостью» превосходит так называемую классическую, идущую от римлян, даже лучшие поэты Франции сковали себя условными правилами, приземлили и измельчили образы и темы древних. То же творится и у нас. Жуковский освободил нашу поэзию из-под ига французов, но наложил на нее немецкие оковы. Если уж нам подражать, то – древним грекам, Гете, Расину, Шекспиру (а у нас с ними ставят «на одну доску» римлян, Шиллера, Вольтера, Байрона). Кроме того, «Фердоуси, Гафиз, Саади, Джами ждут русских читателей». Но нужно создать «поэзию истинно русскую», народную. Талантливые молодые писатели «подают великие надежды» в этом отношении, особенно Пушкин.

Наконец, следует заключение, где автор предположительно описывает различные варианты будущих критических отзывов о статье, взывая к «благонамеренным, просвещенным» возражениям. Заключительные строки снова заставляют нас вспомнить о поэтике оды, где концовка должна была корреспондировать с зачином по эмоциональному подъему и по афористической завершенности: «Истина для меня дороже всего на свете!»

Подобным же логическим построением отличаются и статьи других декабристов и критиков из околodeкабристского круга. В статьях могут быть отклонения в сторону (например, оговорочные примечания, часто используемые, кстати, и Кюхельбекером), но они минимальны и незначительны в общем потоке идейного развития темы. Показательно, что даже самый «свободный» в изложении из декабристских критиков – Бестужев-Марлинский – порою вынужден был останавливать себя, в результате чего отдельные фрагменты его литературно-критических выступлений превращались в строгий

и логический конспект мысли.

Композиционная форма, принятая Кюхельбекером, – это несомненный новаторский элемент в критике декабристов, более того, она получила широкое развитие в последующей литературно-критической практике (в статьях зрелого Белинского, у Вал. Майкова, а завершения достигла в статьях Добролюбова).

Декабристам был свойствен еще один композиционный принцип – завершение статьи публицистической призывной концовкой. По мнению исследователей (И. В. Попова, А. Г. Бочарова, Б. Ф. Егорова), новатором в этой области выступил П. А. Вяземский. Статью «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева», которую два года не пропускала цензура (из-за чего Вяземскому пришлось сделать некоторые уступки) и которая появилась как предисловие к шестому изданию «Стихотворений И. И. Дмитриева» (СПб., 1823), Вяземский заканчивает так: «...какое сердце возвышенное не забьется с живостию и горячностью молодости при священной мысли о пользе? А кто более писателя-гражданина может служить ей с успехом! Побудитель образованности, вещатель истин высоких для народа, чувствований благородных, правил здравых, укрепляющих его государственное бытие голосом наставлений поражающего негодования или метким орудием осмеяния, целитель пороков невежественных и предубеждений легкомысленных или закоснелых, сих язв заразительных, убивающих в народе начало жизни, писатель всегда бывает благотворитель сограждан, вожатый мнения общественного и союзник бескорыстный мудрого правительства» [1. – Т. II.; 83]. Это завершение статьи напоминает по форме скорее призывное, агитационное выступление перед многочисленной публикой, а не литературно-критическую статью.

Для декабристов подобное призывно-публицистическое завершение критической статьи стало типичным. Особенно следует отметить высокую пафосную интонацию концовок у Кюхельбекера и Сомова. Показателен в этом отношении фрагмент из наиболее известного литературно-критического выступления Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», помещенный в заключительной части статьи:

«Но не довольно, – повторяю, – присвоить себе сокровища иноплеменников: да создастся для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной! Вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные – лучшие, чистейшие, вернейшие источники для нашей словесности.

Станем надеяться, что, наконец, наши писатели, из коих особенно некоторые молодые одарены прямым талантом, сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими» [5. – Ч. II.; 42-43].

Лишь в последних строках статьи пафос несколько снижается повествовательными раздумьями о предполагаемых возражениях и неверных

истолкованиях мнений критика.

О. Сомов достигает интонационной кульминации в самом конце цикла «О романтической поэзии»: «...народу русскому, славному воинскими и гражданскими добродетелями, грозному силою и великодушному в победах, населяющему царство обширнейшее в мире, богатое природою и воспоминаниями, – необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых. Герои русские утвердили славу Отчизны на полях брани, мужи твердого духа ознаменовали ее летописи доблестями гражданскими; пусть же певцы русские станут на чреде великих певцов древности и времен позднейших незаимствованными, новыми красотами поэзии! Пусть в их песнях высоких отсвечиваются, как в чистом потоке, дух народа и свойства языка богатого и великолепного, способного в самых звуках передавать и громы победные, и борение стихии, и пылкие порывы страстей необузданных, и молчаливое томление любви безнадежной, и клики радости, и унылые отзвуки скорби» [3; 272].

Подобная призывная концовка станет характерной особенностью статей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова.

Можно сделать вывод, что идеологическая устремленность, публицистичность литературной критики Кюхельбекера и его ближайшего окружения во многом способствовали их композиционной стройности. Литературно-критические выступления декабристов – это образец тщательно продуманного порядка расположения основных частей статьи с обязательным присутствием «воодушевляемого», «зажигающего» вступительного слова и глубоко эмоциональной, возвышенной – призывной концовкой.

Что касается, собственно, Кюхельбекера, то в его литературно-критической практике вышеперечисленные свойства нашли свое выражение в еще большей степени, чем у его единомышленников. Критик и здесь проявил свое характерное качество: быть максималистом в следовании определенным правилам и принципам. Литературно-критические статьи Кюхельбекера выступают ярким образцом логической стройности и одновременно композиционной раскованности», характерной для ораторского красноречия. Разумеется, композиция его статей была тщательно продуманной, но она в определенной степени учитывала возможность того лирического «беспорядка», который был присущ излюбленному поэтическому жанру Кюхельбекера – оде.

Литература:

1. Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1982.
2. Лахно С. Н. Жанры русской литературной критики первой четверти XIX века: Автореф. дис. канд. филолог. наук: 10. 01. 01. – Харьк. пед. ин-т им. Г. Сковороды. – Харьков, 1990. – 16 с.
3. Литературно-критические работы декабристов. – М.: Художественная

література, 1978. – 382 с.

4. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова и П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.

5. «Мнемозина» – 1824. – ч. I - IV.

Анотація

В статті йдеться про своєрідність композиції літературно-критичних статей декабристів, серед яких особливе місце належить В. Кюхельбекеру. Зокрема, акцентується увага на «одичній» структурі його літературної критики, при чому наголошується, що «одична» структура його статей – це не випадковість, а результат впливу загальної творчої тенденції щодо оди як основного ліричного жанру.

Ключові слова: композиція, літературно-критична стаття, «одична» структура.

Summary

The article deals with the peculiarities of the contexture of dekabrysts' literary-critic articles. V. Kiuhelbeker holds a special position among them. Attention is concentrated on the odial structure of his literary critics. It is stressed that odial structure of his articles is not casual but influence of general creative tendency concerning ode as the main literary genre.

Key words: contexture, literary-critic article, odial structure.

Аннотация

В статье речь идет о своеобразии композиции литературно-критических статей декабристов, среди которых особое место принадлежит В. Кюхельбекеру. В частности, акцентируется внимание на «одической» структуре его литературной критики, при этом подчеркивается, что «одическая» структура его статей – это не случайность, а результат влияния общей творческой тенденции об оде как основном лирическом жанре.

Ключевые слова: композиция, литературно-критическая статья, «одическая» структура.